

ЧАРЛИ
ДАЙРОФФ

ОДИ
НО
ЧЕ
СТВО
& КОМПАНИЯ

У Дайрофф талант описывать простую красоту человеческого контакта, и она внятно, настойчиво подталкивает нас отвести взгляд от гаджетов и посмотреть друг на друга.

Southwest Review

18+

The Big Book

Чарли Дайрофф

Одиночество и компания

«Азбука»

2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дайрофф Ч.

Одиночество и компания / Ч. Дайрофф — «Азбука»,
2024 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-33754-1

Ли, блестящей студентке, трудоголику и любимице преподавателей, сулят успешную карьеру в одном из ИТ-гигантов и увлекательные, важные для человечества проекты. Но выходит иначе: Ли оказывается в захолустном, одряхлевшем Нью-Йорке, в никому не известной компании. У компании, впрочем, и впрямь важная миссия: по заданию Правительства она решает проблему одиночества. Ли и ее коллегам предстоит обучить искусственный интеллект быть другом человеку. Люди не знают даже слова «одиночество» — это слишком сложная эмоция, и много лет назад ее вычеркнули из всех словарей в надежде, что вместе со словом исчезнет проблема. Однако одиночество захлестывает мир, с каждым днем случаи множатся, и от работы Ли зависит жизнь людей. ИИ должен получить и обработать как можно больше данных, а для этого Ли должна почувствовать и пережить как можно больше и как можно скорее. До каких пределов способен дойти человек, привыкший добиваться успеха вопреки всему, если поставить перед ним задачу просто жить на всю катушку? «Одиночество и компания» — дебют Чарли Дайрофф, еще до публикации включенный в многочисленные списки самых ожидаемых книг. Это история об одиночестве, которого мы не сознаем. Это история о дружбе, которой мы не понимаем. Это история о своем пути, который невозможно предугадать. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33754-1

© Дайрофф Ч., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

Пролог	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Чарли Дайрофф

Одиночество и компания

Charlie Dyroff
Loneliness and Company

© Charlee Dyroff, 2024

© И. Н. Залогина, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Бруксу, моему брату и лучшему другу

Я начинаю понимать, что внимание без чувств – всего лишь отчет.
Мэри Оливер¹

*Одиночество, томление не означают, что у человека ничего не
получилось, – они означают, что он жив.*
Оливия Лэнг²

¹ Цитируется текст американской поэтессы, лауреата Пулицеровской (1984) и Национальной книжной (1992) премий Мэри Оливер (1935–2019) из ее совместной с фотографом Молли Мэлоун Кук книги «Our World» («Наш мир», 2007). – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Цитата из книги британской писательницы и критика Оливии Лэнг (р. 1977) «Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества» («The Lonely City: Adventures in the Art of Being Alone», 2016), перевод Шаши Мартыновой.

Пролог

Я огибаю угол, огни включаются, я ускоряюсь. Шаги эхом отражаются от стен; я ходила здесь каждый день последние шесть лет, но сегодня все как-то иначе. Знакомый коридор превратился в люминесцентный туннель. Простой. Стерильный. Прекрасный.

Я осторожно держу награду в руках и удаляюсь от шума. Прочь от разговоров, доносящихся из зала, где вручали дипломы. Прочь от смеха в столовой, где однокурсники празднуют единственный в году вечер, когда подают спиртное, прочь от тихих прощаний в общежитии, где уже собирают вещи. Утром придут Распределения, и мы разъедемся по миру.

Распознав мое лицо, стеклянные двери в конце коридора расступаются, за ними – высокий потолок лаборатории. Стремительно минуя ряды блестящих инструментов и эргономичных испытательных станций, иду в угол, к своему столу, и ставлю награду ровно напротив экрана. Теперь, когда я наконец-то одна, можно себе позволить ее рассмотреть: глобус, вращающийся туда и сюда, и небольшая табличка над ним. Когда я приближаю к ней лицо, она мерцает, подсвечивая гравировку с моим именем.

Когда меня сегодня вызвали на сцену, никто не удивился. Я опубликовала больше всех статей и получила высшие баллы. Я понимала, что выиграю, но меня поразили аплодисменты, грянувшие, когда объявили мое имя. Видеть серьезные лица преподавателей, искаженные улыбками, пожимать ладони, сухие, как папирус, – все это было немного чересчур. Я еле дышала, не говоря уже о том, чтобы разглядывать награду.

Но сейчас, в пустой лаборатории, привычной и любимой, я рассматриваю ее, и волна гордости накатывает при мысли о том, как все радовались; как ментор Маша понимающе глянул на меня, коротко, но значительно, когда я наконец подняла на него глаза.

При мысли о Маше вспоминаю, что до завтрашнего отъезда нужно проанализировать еще один набор данных. Можно, конечно, оставить это младшим коллегам, но меня учили: как ты делаешь одно, так же и все остальное, и я хочу закончить свою Программу, как начала, – с усердием.

Кроме того, когда придет Распределение, я хочу быть именно здесь, в комнате, которая меня сформировала. Хочу именно здесь удостовериться в том, о чем и так все догадываются: меня возьмут в одну из вожделенных компаний Большой пятерки, у которых лучшие в мире научно-исследовательские центры.

«Соберись», – думаю я, тыча в экран. Отключаюсь от лаборатории, от мыслей, вопросов, надежд, погружаюсь в данные, и время летит незаметно. Только закончив работу, я замечаю, что по полу растекся мягкий утренний свет: почти пора. Отправив Маше последний анализ, я проверяю свой проектный портал – все готово. Теперь только ждать, и я меряю шагами просторную лабораторию, поглядывая на большие угловатые цифры на стене, отмечающие время.

Когда прохожу мимо стола, моя награда снова чудесно мерцает; я замираю на миг, отступаю подальше, возвращаюсь – и вот опять. Ну конечно. Награда запрограммирована сиять, когда я рядом, и от этого открытия она становится еще ценнее. Как и все здесь, она продуманна. Сделана с умом. Совершенна.

Продолжаю расхаживать, размышляя о том, что будет дальше. Работа, о которой мечтают все. Шанс, о котором Маша впервые упомянул, когда начал натаскивать меня на втором году учебы. В животе ворочается предвкушение. Кто из Большой пятерки меня возьмет? В какую команду я попаду? Каким будет первое задание?

Награда сияет, цифры на стене медленно превращаются одна в другую. Смотрю на часы, время падает каплями, и наконец мой экран чернеет.

Вот оно! Распределение! Подбегаю, склоняюсь к экрану. Так близко, что чувствую тепло – мое будущее. Летит сквозь эфир прямо ко мне.

Проходит две секунды, три. Вот оно. Слова пробиваются сквозь черноту и каплями стекают по экрану. Моргаю, пытаюсь распознать название. Неизвестная мне компания. А я знаю их все, или, во всяком случае, все стоящие.

Распределение исчезает и снова вспыхивает на экране. Я смотрю на немыслимое, на эти чудовищные блестящие буквы, и горло перехватывает.

«Дыши», – говорю я себе, когда лаборатория начинает кружиться и становится слишком горячо, слишком ярко.

Этого не может быть. Так неправильно.

Часть первая

Глава 1

Открываю глаза в незнакомой комнате с голыми бежевыми стенами, и такое чувство, что вообще не спала, или, может, проспала всю жизнь и наконец просыпаюсь. Кровать еще не подладилась к моему телу. В комнате сыро и душно. Даже простыни не те – не гладкие, а колючие, как будто крахмальные.

Изучаю мазки краски на стене. От окна спускается трещина, тонкая как волос, и я смотрю на нее, изо всех сил пытаюсь ни о чем не думать. Но оказывается, если стараешься о чем-то не думать, оно-то и лезет в голову. Так что я болтаюсь туда-сюда, думая и не думая, не зная, что с собой делать.

Когда лежать дольше уже невозможно и телефон предупреждает, что я опаздываю, – заставляю себя встать и натянуть джинсы, неловкими со сна пальцами едва справляясь с холодной металлической пуговицей. Достая белую футболку из верхнего ящика, куда, должно быть, сложила одежду вчерашней мутной ночью.

Тащусь в коридор, надеясь раздобыть кофе, и тут из ванной высовывается голова Вероники, моей новой соседки, и я подскакиваю.

– Ой нет. Переоденься, – говорит она, покачивая тюрбаном из розового полотенца. Лицо распаренное, без макияжа.

Я так старалась привести мысли в порядок, что забыла о существовании Вероники. Забыла, как вчера вечером, когда я приехала, она полезла обниматься, как будто мы знакомы сто лет. Забыла про ее улыбку с ямочкой, идеальные светлые кудряшки, большую грудь. И до чего она – как и все вообще – подавляет.

– Нельзя приходить в таком виде в первый день, – говорит она, как будто это само собой разумеется.

Моргаю, не понимая, развернуться мне или идти дальше. Всерьез она или хочет меня рассмешить.

– Давай помогу. Первое впечатление важнее всего.

Вероника закрывает дверь и через пару секунд выходит в розовом халате, в тон полотенцу на голове. Идет в мою комнату, открывает ящики и копается там, превращая в руины тщательно сложенные стопки.

Вытягивает из этого бедлама кремовые слаксы, голубой свитер и кладет их на кровать.

– Свитер подчеркнет твои глаза, – заявляет она и возвращается в ванную.

Я смотрю на очертания человека на кровати. Шесть лет я носила униформу и забыла, что у меня вообще есть эти штаны и свитер. В Программе мы все носили черное. Наши навыки, наши исследования, наши таланты – вот что нас различало. А не внешний вид. Можно ли скучать по жесткой униформе? Искать безопасности в простоте?

Вероника всегда будет так делать? Высказываться о моей одежде, привычках, о моей жизни?

У меня никогда не было соседки, и теперь очень странно с кем-то делить пространство, втискивать две жизни в одну квартиру. Я привыкла к маленькой, опрятной комнате в общении. К тихой рутине. К размышлениям без помех.

Я знаю, что это все не сон. Касаюсь руки – и она теплая, с волосками, настоящая. Жму пальцем на глаз, и из него текут слезы. Но по краям все такое размытое, как будто время идет быстрее, чем я успеваю подумать. Мой однокурсник опубликовал статью о мгновении, когда

решение уже принято и человек застревает между тем, что было, и тем, что будет. Назвал это серой зоной.

Ну, бывший однокурсник. Экс-курсник? Как надолго человек может застрять в серой зоне, если решение принимал не он?

Быстро переодеваюсь в слаксы и свитер. Формально решение было мое, напоминая я себе. Я поступила в Программу, отдавая себе отчет, что, получив степень, год отработаю там, куда меня направит Система Распределения. Обычно Система направляет человека туда, где у него будет больше возможностей для личного развития и где полезнее для Страны. Но это назначение, кажется, не отвечает ни одному из критериев. В сущности, в нем вообще нет логики.

Мне непривычно в своей одежде, но, когда я выхожу из комнаты, Вероника опять выглядывает из ванной – на лицо уже наложен тон – и одобрительно кивает.

Офис находится прямо у воды в Трайбеке, чуть севернее того, что прежде называлось Уолл-стрит, если верить «Картам», где мелкие точки очерчивают границу того, что не существует.

Втискиваюсь в вагон метро вместе с толпой, поезд несется в даунтаун³, и никто не снимает куртку, поэтому я тоже не снимаю и руки потеют в рукавах. Реклама крутится-вертится и обращается ко всем входящим.

Прибыв по адресу, разглядываю ветхое каменное здание. Пожарная лестница цепляется за него сбоку, точно моллюск, и, похоже, держится только на ржавчине. Я поднимаюсь к двери и врезаюсь в стекло – думала, дверь откроется, но она упорно не желает. Потирая лоб, отступаю и дергаю за ручку. Мне в лицо мигает маленькая камера.

Слишком низкий уровень. ОТКАЗАНО В ДОСТУПЕ.

Дверь не открывается. Я жду на морозе, думаю, как быть, и наблюдаю, как мое дыхание вырывается паром изо рта и висит в воздухе. Нам выдали приветственный пакет, но я не продралась сквозь текст. В норме я бы прочитала его три или четыре раза. В норме я готова к любым неожиданностям. Но тут первый же раздел оказался полон тупой, пустой туфты: «Иногда незаметные мелочи могут изменить мир...», бла-бла-бла. К тому же чем меньше я знаю, тем меньше это все похоже на реальность.

Утром я на всякий случай проверила телефон, примерно в тысячный раз. Вот-вот они обнаружат ошибку. Позвонит представитель Системы Распределения и все исправит. Я, конечно, отнесусь с пониманием. «Бывает», – спокойно скажу я, хотя ничего такого не бывает. Система практически непогрешима, по крайней мере была до сих пор.

Сзади кто-то покашливает, и я отхожу в сторону: крупный мужчина смотрит в камеру и улыбается, уставшее лицо становится восторженным. Дверь со щелчком открывается, он заходит внутрь, улыбка стекает с лица, дверь захлопывается.

Восхитительно.

Даже не пойму, антикварная это система или новая. Странно у них тут – все напоказ. У нас в Программе все запускалось незаметно, не привлекая внимания. Здание просто сканировало людей без лишнего шума.

Снова подхожу к двери, смотрю в камеру и, повторяя за мужчиной, напрягаю мышцы, которыми давно не пользовалась. Выдавливаю широчайшую улыбку, камера моргает, и экран вспыхивает зеленым.

Уровень энтузиазма 91 %. Продуктивного дня!

³ *Даунтаун* (Downtown Manhattan) – Южный (Нижний) Манхэттен, включая Файненшл-дистрикт (Уолл-стрит), Бэттери-парк и окрестности; деловая и историческая часть в «нижнем» конце острова Манхэттен.

Дверь сдвигается, и я победительно шагаю вовнутрь, но тут до меня доходит, что я сделала. Я вошла в офис.

Глава 2

Глядя на знакомые лица выходящих из лифта людей, Джанет не может сдержать улыбку. Она рассматривает их через стекло конференц-зала и, пусть никогда не встречала раньше, узнала бы где угодно. Так здорово увидеть их во плоти. Джанет нравится, когда ее идеи воплощаются в жизнь.

Рядом Тору пишет что-то в телефоне технической команде, раскиданной по всему земному шару. Джанет подталкивает его, и он быстро оглядывает полукруг людей, собравшихся в центре офиса, кивает и возвращается к телефону. Они давно работают вместе (господи, сколько уже, пятнадцать лет?), и Джанет знает, что такой кивок – это как большой палец вверх. Она знает, что Тору выражает эмоции, особенно хорошие, с головой уходя в работу.

Джанет тянет время, водя пальцем по экрану. Они с Тору основали не одну компанию, и Джанет умеет собрать успешную команду. Знает, что в первые несколько минут всем бывает неловко, но это критически важный момент для будущих отношений.

Всего несколько дней назад они с Тору сидели в этой самой комнате и шерстили профайлы в Системе Распределения. Они преодолели бесчисленные проволочки, убеждая Правительство, что для них прежде всего важна точность. Контроль. Не то чтобы они не доверяли Системе найти качественных кандидатов, просто у них задача совершенно нового типа. Для такого людей еще не подбирали.

Когда Правительство нехотя дало им зеленый свет, Джанет попросила своих разработчиков перепрограммировать Систему Распределения с учетом очень специфических критериев. И уже потом они с Тору выбирали новых сотрудников.

Профайлы кандидатов проецировали на стену, Тору листал, а Джанет терпеливо следила. Первых четверых нашли без проблем. Система выявила их сразу. А вот с последней было сложно. Тору стоял у стены и легким движением запястья отбрасывал многочисленных кандидатов одного за другим.

Щелк, щелк, щелк. Мелькали в ночи лица. Сотни людей возникали и исчезали. Узкий подбородок. Большие глаза. Крупный лоб. Веснушки под неровной челкой. Красные губы, сложившиеся в очень большую, очень печальную улыбку. Джанет и Тору моргали, усмехались, пожимали плечами, а потом она или он замечали красные пометки сбоку – критерии не совпадают; щелк – и лицо исчезало.

Наконец спустя много часов они нашли пятую, и последнюю кандидатку. Пока Джанет заполняла бланки для Распределения, Тору развлекался с Системой, листая профайлы талантливых выпускников и ворча, что чем жестче Программы, тем однообразнее умы они производят. Молодежь обтачивают, превращая в болванки.

Джанет кивнула, не отвываясь от работы. Она и раньше слышала от него такие тирады, но каждый раз Тору выдавал новые перлы. За это она его и любит – за то, как он мыслит. Как подходит к решению проблем: с умом и нередко с нужной долей бесстрашия. Он не боится попробовать, экспериментировать.

И Джанет тоже не боится. В том числе поэтому им так хорошо работается вместе, поэтому они так успешны. Оба амбициозны и готовы подходить к задачам нешаблонно. Свободно. И именно поэтому так поразились, когда Правительство пригласило их работать на проекте. «Пригласили». Так это называет Тору, но оба понимают, что это было не приглашение, а приказ.

Джанет закончила заполнять бланки, а Тору замолчал. Перестал скроллить лица. Она подняла глаза и увидела, что он разглядывает лицо на стене. Обычное лицо, без макияжа, волосы собраны в низкий пучок. Девушка рассказывала о своей программе, своем исследовании и наградах. Рассказывала с раздражающей уверенностью и самоотверженной наивностью.

Джанет подумала, что Тору хочет на ее примере показать, как Программы делают всех одинаковыми. Но нет. Они дослушали до конца, и напоследок девушка просто сообщила, что она лучшая на курсе. Произнесла это, не моргнув глазом, без улыбки, глядя прямо в камеру.

– Мы же закончили, – сказала Джанет, закрывая свой экран. – Нам больше никто не нужен.

Тору хмыкнул, показывая, что услышал. Но что-то пробудило его любопытство, и он открыл профайл кандидатки. Интеллект, трудовая дисциплина, самоотдача: по качествам оценки высокие. Научно-исследовательские методы, анализ данных, критическое мышление: по навыкам оценки даже выше. Формально она правда была лучше всех, кого они видели.

– Интересно, – сказал Тору, листая ее публикации, рекомендации и поведенческую карту.

– Она не подходит, – возразила Джанет, с облегчением заметив, что Система Распределения выявила у этой кандидатки отсутствие ключевого критерия. И подсветила его красным.

– Верно, – сказал Тору, не отводя взгляда от файлов. – Но по остальным параметрам она превосходит всех. И ей... Похоже, ей скучно. Слышно по голосу. А неудовлетворенные люди...

– Всегда хотят большего.

– Именно. И та роль, которую ты придумала, Джей, великолепная. Но это не для слабонервных, – сказал Тору, все еще копаясь в файлах. – Решать тебе. Я просто рассуждаю вслух. В таких вещах я доверяюсь тебе.

Его телефон зазвонил, Тору ответил, кивнул и вышел, оставив Джанет с изображением кандидатки на стене. Что-то в этой девушке отталкивало. Может, то, что она ни разу не улыбнулась, но ни разу и не нахмурилась. Или то, как уверенно держалась, словно вся ее жизнь уже распланирована. Но Тору прав: по их критериям она превосходит всех. Еще один талантливый исследователь не помешает же?

Кто-то толкает Джанет плечом. Она моргает, перед ней стена, теперь пустая. Тору постукивает пальцем по часам и показывает на стоящих кругом людей. Пора.

Джанет медленно встает, чтобы открыть дверь и впустить в конференц-зал свою новую команду. За секунду до того, как все начнется, она смотрит на них через стекло: они переминаются с ноги на ногу, смеются слишком громко или серьезно молчат. Открывая дверь, она уже чувствует к ним странную привязанность. Желание защитить, но не очень понятно от чего.

Глава 3

– Добро пожаловать в ваш новый дом!

Стоя перед стеклянной стеной конференц-зала, высокая белая женщина широко поводит рукой. Я вспоминаю все, что видела по дороге сюда: разномастные стулья, доски для мозговых штурмов, чьи-то экраны, беспорядочно раскиданные наушники. Позорище, а не офис.

Я откидываюсь на спинку стула, разглядываю женщину и остальных, прикидывая, кто чем занимается и кто насколько важен. Очевидно, люди во главе длинного стола друг друга знают – судя по тому, как они переговариваются или спокойно сидят молча.

Еще пятеро – новички, как и я. Ерзают на стульях, озираются исподтишка. Напротив мужчина в костюме кивает после каждого слова. Рядом с ним женщина в больших очках в проволочной оправе. Красивые длинные черные косы, руки скрещены на груди.

Еще долговязый прыщавый парень, шумная девушка, которая пронзительно хохочет, хотя нет ничего смешного, и еще одна, с зелеными кошачьими глазами. Она смотрит на меня, я на нее, ни одна из нас не хочет первой отвести взгляд.

– Мы так рады, что вы все здесь! – продолжает женщина во главе стола. Странная, похожа на птицу. Улыбается, не разжимая губ.

– Я Джанет, а это Тору.

Тонкие золотые браслеты скользят по запястьям, когда она указывает на мужчину-азиата рядом с собой – тот быстро кивает, не поднимая глаз.

Его черные волосы топорщатся, как иглы у дикобраза. Он яростно тапает по экрану, как будто у него нет времени на всю эту приветственную чушь. Он уже нравится мне больше всех остальных.

– У нас впереди много работы. Вы все уже подписали соглашение, и теперь нам с Тору не терпится с головой погрузиться в наш проект.

Соглашение? Какое соглашение? Перебираю в памяти файлы, пытаюсь понять, когда и что я подписала.

Последние трое суток как в тумане. Вот я в ярком свете ламп в ледяной лаборатории анализирую последний набор данных. Вот хожу кругами, дожидаясь Распределения. Вот смотрю, как оно вспыхивает на экране.

Дальше воспоминания превращаются в кашу из четких кадров и черных дыр. Молния на чемодане. Одинокое облако в небе над общежитием, когда я ухожу, не прощаясь. Родители, Грег и Синди, босиком сидят за деревянным кухонным столом в доме, где я росла, а я собираю вещи. Ем гамбургер в самолете и не чувствую вкуса.

Но среди хаотичных воспоминаний в закоулках сознания я нахожу то самое. Под ложечкой тянет, когда оно встает на место. Я в лаборатории, пытаюсь остановить это все. Нелепые блестящие слова – название компании, о которой я никогда не слышала, в городе, куда никто не хочет ехать. Компания без репутации, без узнаваемого бренда, без успешных кейсов.

Я просто хотела убрать это Распределение с глаз долой, избавиться от него, сделать так, чтобы эти чудовищные безрадостные искры не стекали по экрану снова и снова.

Воспоминание становится четче. Вот я, потрясенная, тычу в экран, подписывая соглашение, лишь бы все это пропало с глаз долой.

Да и какой у меня был выбор?

Женщина по имени Джанет все говорит и говорит. Судя по ее монологу, мы будем разрабатывать искусственный интеллект, который должен выполнять функции друга. Она объясняет медленно, будто осторожно подбирая слова, словно делится с нами секретом. Цель – создать нечто настолько реальное, настолько естественное, чтобы его было не отличить от человека.

– Но опять же, что сегодня реальное, а что подделка? – смеется Джанет. – Вот такие вопросы вам придется задавать.

Ее губы шевелятся, а у меня в голове, пробиваясь сквозь туман, роятся другие вопросы.

Кто эти люди? Они из других Программ? Почему штаб-квартира – в городе-призраке? Какое у нас финансирование? Какие стратегии выбраны для обучающих технологий? Зачем создавать еще один ИИ, когда их и так слишком много? Даже в этом безнадежном Распределении часть меня все еще силится понять, разобраться, помочь.

В Программе вопросы считались моей сильной стороной. Маша всегда поощрял меня спрашивать. Один вопрос может запустить годы исследований, привести к открытию. Распахнуть новые горизонты и породить новые идеи, говорил он. И куда в итоге привели меня вопросы?

– У нас есть прототип. – Джанет сияет напомаженной улыбкой. – Но работы еще много. Мы рассчитываем на всех вас – наших консультантов в области человечности. Вы сможете направлять и развивать когнитивные навыки и человечность нашего продукта.

Консультанты в области человечности? Я бы предпочла миллион других занятий где-нибудь не здесь. Джанет все говорит, на разные лады повторяя одно и то же. Видимо, хотела бы рассказать больше, но не может. Что-то в ней вызывает подозрение. Что-то в ее обаянии и живости кажется фальшивым. Отрепетированным и пустым.

– Ее зовут Вики, – вставляет Тору.

Голос его громче, взволнованнее, энергичнее, чем я ожидала. Все это время Тору молчал, словно поглощенный другими делами.

– Верно, Вики. – Джанет улыбается так, словно делится тайной. – По крайней мере, мы так ее называем.

Вики. Какое странное имя. Я вспоминаю все, что мне о нем известно: женское, не самое популярное в рейтинге имен. Означает «победа» или «триумф».

В голове порхают образы, оставшиеся от прошлых исследований. Женщина в фиолетовых очках. Рыжая. Сумасшедшая тетушка. Соседка по комнате, в носках с лягушками. Возможно, учительница химии в старшей школе. Или звукорежиссер, записывает звуковые эффекты для рекламы пиццы.

«Ее зовут Вики», – гордо сообщили они, как будто это что-то выдающееся – назвать искусственный интеллект в честь того, кого я вроде знаю, но никогда не встречала.

Я была права. Двое сотрудников в первом ряду, сидящие ближе всех к Тору и Джанет, здесь уже несколько месяцев. Они покажут нам офис. Назвались Тед и Никита – руководители отдела отношений, что бы это ни значило.

Я несколько раз повторяю их имена, чтобы потом разузнать, откуда они и чего добились. Тед крупный и похож на мальчишку, у него глуповатая улыбка и ярко-голубые глаза. Никита – крошка рядом с ним, у нее длинные хрупкие руки и длинные красные ногти. Они показывают нам кухню, туалет, кладовку, дартс и холодильник, забитый крафтовым пивом.

– Серьезно?! – переспрашивает девушка с пронзительным голосом.

И смеется в той же октаве. Поверить не может, что бывает отдельный кулер для собак. И что чашки меняют цвет в зависимости от настроения. И что на каждом столе есть зарядные станции. И что у нас вообще есть столы. Seriously?!

Тед и Никита объясняют, что свободные столы – это для совершенно потрясающей технической команды, ребята из нее иногда заходят в офис, но в основном работают удаленно. Мы тоже можем работать из дома, когда захотим. Почти все отделы работают из дома в понедельник, вторник и пятницу. Все отмечают это в телефонах, и я тоже.

Отработав ориентацию новичков, Тед и Никита садятся на звонки. Говорят, что проведут на звонках целый день, устанавливая связи. Какие связи? С кем? Почему они все так тем-

нят? Я хочу расспросить, но не хочу привлекать внимание. Нужно слиться с толпой, пока не придумаю, как сбежать.

Вслед за другими консультантами в области человечности иду к рабочему месту: ряд из шести столов, на каждом стопка новеньких принадлежностей. Краем глаза наблюдаю за всеми, радуясь, что я позади всех. Высокий долговязый парень все время потеет. Женщина в очках в проволочной оправе ничего не трогает, руки все так же сложены на груди. Финансист и Пронзительная Хохотушка флиртуют по дороге на кухню.

– Видишь чипсы? – говорит он, кивая на стену из пачек. – На прошлой работе я собрал целое портфолио о корреляции количества соли с продажами.

– Серьезно?! – отвечает она и смеется в этом своем почти восхитительно высоком регистре.

Я беру со стола новые вещи и верчу в руках. Экран. Адаптер. Какой-то энергетический батончик. Термостойкая футболка с цветочным запахом. Глядя на эту футболку, невольно вспоминаю Грега. На всех его вещах логотипы компаний: на карманах, на спине, вдоль рукавов. В детстве я думала, что он носит их из гордости, как сувениры с любимой работы.

Но, становясь старше, я все чаще спрашивала Грега о работе, а он просто отмахивался: ну, работа. Странно. Зачем бросать меня одну, чтобы я ужинала едой из доставки, а самому сидеть в офисе наверху и копаться в электронных письмах? Зачем тратить столько времени на то, от чего чувствуешь себя бесполезным? На то, что и правда бесполезно?

Синди была такой же. Они оба работали координаторами проектов, и их постоянно донимали звонками, звали на встречи, заставляли в последний момент завершать проекты для боссов, которых они презирали. Родители прыгали между компаниями и должностями в поисках чего-нибудь получше, – по крайней мере, так мне казалось. Они старались заработать, но, даже когда появились деньги, хороший дом, хорошая одежда, они как будто не радовались. Им как будто нравилось болтаться между стрессом и скукой, спуская время в черную дыру, а не заниматься чем-то по-настоящему важным.

Я беру футболку со стола, от нее пахнет цветами. Кошачий Глаз следит за мной, поэтому я притворно зеваю и сую футболку в сумку, на случай, если уже вечером смогу отсюда выбраться.

А дальше старательно делаю вид, что остаюсь, беру новый рабочий экран, вынимаю его из коробки осторожно, чтобы не встряхнуть.

При первой же возможности я ухожу. На улице, отойдя на несколько кварталов, встаю в тени дверного проема и прикидываю варианты. Теперь, когда я здесь, когда увидела офис, посмотрела на людей, я понимаю, что Распределение настоящее. Не ошибка. Не сбой. Я за тысячи миль оттуда, где должна быть, и с этим нужно что-то делать.

С хрустом разминаю шею и пытаюсь сосредоточиться. Можно прямо сейчас поехать в аэропорт. Сесть на первый же рейс в Миннеаполис, вернуться в Программу и все объяснить. Но если я уеду без спроса, то нарушу соглашение, так?

Я слышала истории о тех, кто дезертировал до окончания положенного года, – их пересказывали шепотом. Дезертиров полностью исключали из Системы Распределения, и они потом с трудом находили работу. Хуже того, они полностью теряли репутацию.

С хрустом разминаю пальцы и говорю себе: «Думай». Нельзя нарушить условия Распределения. Я никогда в жизни не нарушала правила. К тому же мне нравятся правительственные программы и системы. Они никогда меня не подводили.

«До сих пор», – возникает голос в голове. Мелкая, бесполезная мыслишка.

Я ее отбрасываю. Что-то же можно сделать, чтобы выбраться отсюда и вернуться на правильный путь. Не для того я впахивала, чтобы пропасть в городском подбрюшье, в компании, на которую всем плевать.

Мимо проносится машина, за ней еще одна. Что, если позвонить Маше? Наверняка он уже видел результаты Распределения и тоже сбит с толку. Он подскажет, что делать. Достая телефон, начинаю набирать его имя, но тут же стираю, и жар разливается по лицу. Что я делаю? Я выпустилась лучшей на курсе. Последние несколько семестров я преподавала методы критического мышления первокурсникам, и вот она я – совсем ошалела. Паникую, не имея полной информации. Нельзя просто позвонить Маше и попросить о помощи, сначала нужно собрать данные. Все, что найду об этой компании.

Полная решимости, открываю поисковик и начинаю искать их слабые места. Ввожу название компании, но нахожу только бесконечные страницы неведомых чайных брендов, велотуров и барбершопов. Добавляю к названию компании «Тору» и «Джанет» – ничего. Неужели компания правда настолько мелкая, что даже не засветилась в «Поиске»?

Воздух прохладный, после дождя пахнет землей. Прислонившись к холодной, в трещинах стене, я ввожу запрос за запросом.

Нужно понять, во что я вляпалась. Куда я попала? Копаю глубже, ищу Теда и Никиту, для более конкретных результатов загружаю сделанные украдкой фотографии. Поисковик замедляет, а затем показывает парней, похожих на Теда, но это не Тед. Девушек, похожих на Никиту, но в школе красоты в Норвегии.

Загружаю свой приветственный пакет, адрес офиса – по-прежнему ничего. Что происходит? Я получала лучшие результаты и с худшими данными. Чем больше я копаю, тем более жалкой себя чувствую. Компания выглядит маленькой и незначительной, как муха. Даже отличный сотрудник здесь пропадет, забытый, похороненный.

Честно? Такая возможность никогда не исключалась: Распределение в какую-нибудь жуткую дыру. Но шансов было так мало. Есть же закономерности. Прецеденты. Ожидания! Студенты вроде меня получают определенные должности. Нас к этому готовят. Говорят, что нужно сделать, чтобы Система распределила нас в лучшую компанию. Это необязательно жульничество, просто надо знать, как работает Система, и планировать соответственно.

Я делала все, что мне говорили. У меня были самые высокие баллы на тестах, больше всего курсов, я прошла все дополнительные тренинги. До меня все выпускники с такими же достижениями попали в компании Большой пятерки, в солидные места с ресурсами и весом. В команды с умнейшими людьми, влияющими на мир. Я должна была однажды возглавить такую команду. Преподаватели говорили, что так и случится, если я буду впахивать. Я достаточно впахивала? Может, надо было больше?

Зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, замечаю, что рукав пальто намок. Пошел дождь. С неба падают капельки, скользят по стене и двери какого-то случайного дома, где я стою наполовину под крышей, наполовину на улице. Открываю «Карты», и они показывают маршрут к дому, на север через небольшой парк. Я и не сообразила, что это так близко, – можно было дойти пешком. Мне в любом случае нужен свежий воздух, движение, надо дать мозгу подышать.

По дороге впервые замечаю, как жутко выглядит город. Здания скрываются в тумане. Мимо идут силуэты, плывут по тротуару, как призраки. До чего стыдно здесь оказаться. Я слышала, что почти все уехали из Нью-Йорка много лет назад, когда началось наводнение. Стараюсь не думать об этом, шагаю прямо на голубя, и он до последнего даже не думает улетать. Холодные капли падают гуще, бьют по щекам, по рукам.

В сознание проникает маленькая, совсем крошечная мысль и тяжело разрастается: а что, если выхода нет, потому что мне следует быть именно здесь?

Холод бежит по загривку.

А что, если со мной все не так хорошо, как я всегда думала? Что, если Маша и остальные преподаватели всегда знали, что я безнадежна? Жалели меня? Я была для них экспериментом? Шуткой?

Нет. Не может этого быть. Меня бы не взяли в Программу.

Все это просто сводит с ума. Неопрятный офис, знакомство, мои коллеги, которые, похоже, *радовались*, что там оказались. Все сбивает с толку. Просто нужно дышать. Продолжать двигаться.

Сосредотачиваюсь на тротуаре, чтобы прочистить мозги, и замечаю, что он мокрый. Возле бордюра кто-то написал пальцем на асфальте, пока тот еще не застыл: «Я здесь был».

Вот. Единственное, что я знаю об этом городе, – здесь я быть не хочу.

«Расскажи про Нью-Йорк», – говорю лежащему в кармане телефону под статику дождя, умолкающую на тротуаре. Из кармана доносится:

Нью-Йорк состоит из пяти районов. Город расположен на месте впадения реки Гудзон в Атлантический океан.

На Манхэттене пустой болтовне конец, там правит стритфуд, а незнакомцы добры, но не любезны.

Про этот город, знаешь ли, болтают всякую чушь, но никто ничего толком не знает. Открою тебе всю правду, и правда в том, что на Уэйверли-плейс дьявольски вкусные печенья с шоколадной крошкой, если знать, где искать.

В Нью-Йорке есть все, о чем только можно мечтать, и все, что можно ненавидеть.

Вечно изменчивая Мекка с замашками божества.

Нью-Йорк – подходящее место, чтобы целоваться с незнакомцами в темных углах, и оступаться, и смотреть, как оступаются другие, и ловить свое отражение в брошенном зеркальце на мостовой, и понять: вот она, жизнь.

Впереди вырастает мой новый дом, темно-серый, как небо над ним и улица внизу. Становится ли мостовая древнего города тверже от миллионов ног, что прошли по ней? Возможно ли, что слишком много кофе на голодный желудок усиливает склонность сомневаться? Капли падают не одновременно, но почему все равно кажется, что они бьют по тебе все разом?

Носки промокли и противно натирают. Поднимаюсь на крыльцо и прижимаю палец к датчику. Дверь распахивается, я в коридоре, и подошвы пульсируют, потому что сегодня я прошла гораздо больше, чем за все последнее время. Смотрю в «Карты» и вижу: маленькая синяя точка благополучно достигла заданной цели.

Глава 4

Я узнала о Программе, когда мне было тринадцать. Мы только переехали в Миннеаполис, по непонятным мне причинам. Синди и Грег постоянно переезжали, когда я была маленькая: выбирали новые места в надежде оживить монотонные дни.

Но Миннеаполис их вроде бы устроил. Их притягивали бесчисленные перспективы Среднего Запада, шанс сделать что-нибудь со своей жизнью, хотя я ни разу не видела, чтобы они этим шансом воспользовались. Наверное, им нравилось думать, что они могут, если захотят, стать людьми, которые ходят на званые ужины, прогуливаются после бокала вина, заглядывают в музеи просто для удовольствия. Мне тоже хотелось, чтобы они были такими людьми, а не такими, кто только хочет ими быть.

Поняв, что мы там задержимся, я записалась в беговую команду. Мне нравилось проверять, как далеко я смогу убежать после школы, на сколько хватит легких. В этом, казалось мне, было что-то стоическое. Интересно наблюдать за телом на пороге коллапса, и каким властным, каким жестоким может быть разум. Мы бегали по стадиону после уроков, потом все расходились по домам, а я продолжала бегать.

Однажды я забежала дальше, чем обычно, и остановилась на мосту возле огромного кампуса с высокими серебристыми зданиями. Я пыталась отдышаться и смотрела, как по кампусу ходят люди в черном. Целеустремленно, расправив плечи и высоко подняв голову. Шагают быстро, увлеченные разговором. Не знаю, как объяснить, но даже издали я ощутила разницу. Даже с моста почувствовала их энергию.

Я бегом вернулась домой и принялась искать информацию. Руки и ноги едва шевелились от усталости, но я все читала и читала. Оказалось, это Исследовательская Программа мирового уровня. Я прочитала про миссию, классы, преподавателей, проекты и награды. Посмотрела видео про студентов, которые проводили новаторские исследования и создавали реальность, в которой все остальные просто существовали.

Студенты и преподаватели говорили с такой страстью, какую я мало у каких взрослых видела. Как будто им разрешили проявлять любопытство и задавать вопросы. Позволили творить. Сама того не подозревая, именно это я искала.

Узнав об этой Программе, я уже не хотела ни в какую другую. Чем больше я читала, тем отчетливее понимала: я сделаю все, что в моих силах, чтобы меня приняли.

Так, хватит!

Спрыгиваю с кровати в новой незнакомой комнате. Кровь отливает от головы, и стены кружатся. Слишком быстро встала, но воспоминания навели на мысль о том, откуда я пришла, о том, что у меня есть прошлое, а значит, если запустить поиск по своему имени, я найду какие-нибудь новости, хотя бы объявление из Программы – куда распределили нашу когорту и чем мы занимаемся.

Дальше я смогу отследить свой путь до этой компании, а от компании – к другим сотрудникам. Когда все разузнаю, у меня будет больше контекста, больше ответов. Я выясню, чем мы тут на самом деле заняты и кто такие Джанет и Тору.

Вбиваю свое имя, ожидая увидеть исследования, где я была соавтором, конкурсы, которые выиграла, фотки из моего профайла и с того ужасного забега (я хотела попросить, чтобы их удалили), объявление о Распределении, но ничего подобного. Вбиваю свое имя снова и снова. Но, если верить «Поиску», меня никогда не существовало.

* * *

На следующий день календарь напоминает, что я работаю из дома, хотя все еще понятия не имею, что именно предстоит делать. Когда Вероника клац-клац-клацает каблуками по коридору и выходит из квартиры, я беспрепятственно перебираюсь в маленькую кухню-гостиную и приступаю к обустройству рабочего места. Смахнуть крошки с шаткого белого стола, поставить посередине экран. Финальный штрих – положить рядом и тщательно выровнять телефон.

И что теперь? Несколько раз обхожу квартиру. Я не привыкла к праздности. Можно ли так и застрять? Никогда ничего не делать? Где разница между чем-то и ничем? Или это всего лишь субъективное мнение?

Свалиться в черную дыру экзистенциальных размышлений я не успеваю, потому что на экране появляется сообщение от некоего Криса. Я навожу курсор на имя и выясняю, что он глава отдела данных. И вероятно, мой босс.

Сообщение Криса сбивает с толку. Проглядываю текст, встаю, открываю все шкафчики на кухне и обзираю груды чашек, мисок и столовых приборов. Не хочу, чтобы меня заинтересовало это странное сообщение от этого странного человека. Но любопытство же не всегда вопрос долга? Каждым хорошим исследователем движет глубинное любопытство, правда же? Закрываю шкафчики, сажусь за стол, наклоняюсь ближе и снова читаю сообщение.

Если подумать, человек – это совокупность переживаний. Каждый день нас формируют те, кого мы встречаем, то, что видим, слышим, принятые нами решения и так далее.

Поскольку наша цель – сделать Вики другом, ИИ должен понимать все виды человеческого опыта и сопереживать им. По сути, он должен стать похожим на человека.

Вот тут-то и понадобится ты. Я буду поручать тебе собирать данные и опыт для определенных категорий. Ты будешь загружать результаты своего ресерча в программу данных, а она потом преобразует их в подходящий для Вики формат.

Обрати внимание, что на время проекта твоя личная информация была заархивирована. Как только мы завершим работу, все восстановится как было.

Неудивительно, что мои запросы не принесли результатов. Пожалуй, есть смысл избавиться от предвзятости, не смешивать наши данные и те, что мы собираем. Я чувствую толику уважения к этому Крису, хотя ему не мешало бы научиться лаконичности.

Дочитываю, закрываю письмо, и тут автоматически загружается программа данных, перенаправляя меня на страницу с черными квадратами. В лаборатории мы использовали похожую программу, так что интерфейс знакомый. Судя по всему, тут можно добавлять ссылки, сортировать комментарии, выделять и отмечать важные аспекты. Можно загружать изображения, видео и записи, а мой телефон синхронизируется автоматически.

Когда я печатаю в одном из полей, буквы появляются фиолетовые, а не белые. Прекрасный, насыщенный аметистовый цвет.

Играюсь с программой данных, и вроде бы я уже все освоила, но тут жму на какую-то кнопку, которая запускает оповещение безопасности, и экран вопит: Тревога! Тревога! Тревога рифмуется с дорога! Не пей прокисшего грога! У меня нет рога, потому что я тревога!

С подоконника срывается птица. Я быстро выхожу из программы данных, запомнив эту кнопку на будущее.

* * *

«Представь, что каждый проект – это человек», – сказал мне однажды Маша, пока мы смотрели, как в комнате наблюдения ребенок разговаривает с роботизированной мышью.

Великолепная комната, моя любимая. Ее можно было настроить так, чтобы она воспроизводила любой интерьер, и, что лучше всего, можно было наблюдать сквозь стены.

Для того исследования я настроила комнату наблюдения так, чтобы дети попали в приятную, знакомую обстановку детского сада. Мы изучали, как влияет игра на их развитие, и мыши были запрограммированы взаимодействовать с объектом больше или меньше, в зависимости от тестовой группы.

Я хорошо помню тот проект, потому что Маша впервые позволил мне вести и именно тогда преподал мне важнейший урок о том, как быть исследователем. Я делала записи, когда он возник рядом и стал разглядывать ребенка в комнате. Посмотрел на мальчика и мышь, потом на мои записи. На мальчика, на записи, на мышь, на записи.

– В чем смысл этого исследования? – спросил он, и я дословно повторила то, что мы написали в заявке.

– Нет. – Он покачал головой. – Мысли шире, Ли. Какова причина этого исследования? Почему это важно?

Помню, как сильно мне хотелось ответить правильно, но я не знала, что сказать. После долгой паузы он повернулся к комнате с ребенком:

– Когда смотришь на мальчика, не видишь его руку или нос. Видишь мальчика, который хочет играть. Любое исследование больше, чем просто сумма его частей. У любого проекта есть своя причина для существования, так же как у этого мальчика. Как у тебя и меня.

Маша говорил медленно, и я ловила каждое слово, не отрываясь смотрела на его профиль, наблюдала, как ледяные голубые глаза следят за ребенком.

– Глядя на эту комнату, не ищи данные для публикации. Не делай заметки ради заметок. Учись относиться к проекту как к человеку. Узнай, чего проект хочет, зачем существует, ищи истинные причины его появления – и тогда найдешь лучший способ его реализовать.

И вот я разглядываю старомодную эклектичную квартиру. Потертый зеленый диван. Громоздкие шкафы. Несмотря ни на что, стараюсь сосредоточиться. Если я смогу отнестись к проекту «Вики» как к человеку, возможно, примирюсь с Распределением. Если разберусь, что стоит за этим квестом с искусственным другом, может, мне удастся решить задачу быстрее и вернуться отсюда.

Проблема в том, что я поверить не могу, что ИИ типа Вики еще не создан.

Должно же быть что-то подобное; я точно с чем-то таким уже сталкивалась. Запускаю поиск и нахожу сотни ИИ в разных отраслях, для разных целей и услуг, но выясняется, что ни один из них не смог стать настоящим другом. Кажется, я вот-вот пойму. Пойму, для чего мы здесь, *зачем* все это.

Проект «Вики» хочет запуститься и работать, это само собой, но должна быть более глубокая причина. Я знаю, чувствую, но никак не ухватываю суть.

Снимаю наушники и разминаю спину, так что позвонки щелкают, нарушая тишину и напоминая, как тут тихо. Над холодильником на стене маленькая черная точка. Вероника вчера принесла домой звуковой поглотитель. Наверное, ей нужно тестировать новые продукты, чтобы потом их предлагать.

Поглотитель не больше моей ладони, высасывает из комнаты внешний шум, чтобы мы не слышали гудки, грузовики и разговоры прохожих. Вероника говорит, это здорово, потому что, когда она смотрит телевизор, они ей мешают. К тому же ее нервируют «скорые», объяснила она, с усилием мышц прилепляя девайс на стену.

Раньше мне нравилась тишина, но в этой квартире она тяжелая. С этой штукой на стене слышно только отсутствие. Звонящая пустота, где есть только я и воздух.

Поворачиваюсь к экрану, чтобы выяснить, зачем понадобилось создавать искусственного друга, и тут всплывает сообщение.

крис [10:00]
доброе утро, ли
как прошли выходные?
ли [10:00]
хорошо
а у тебя?
крис [10:01]
круто, круто
были на концерте в Бодеге
новая точка прямо под магазином на Линдене
годная
барабанные перепонки чуть не лопнули,
но в хорошем смысле
ли [10:02]
круто
крис [10:03]
любишь панк-рок?
ли [10:03]
конечно
крис [10:04]
тогда послушай вот это
скажи как тебе
[Spritzu.m43]
ли [10:04]
ок

Ссылка нетерпеливо ерзает на экране, я жму на нее, с экрана выплескивается шум. Вопли, звон, грохот, барабаны. Эхо разносится по квартирке, и я быстро выключаю звук, сижу пару секунд, потом включаю снова – а вдруг это какой-то тест и Крис видит, дослушала я до конца или нет. Истошно воеет какофония. Вот так мы теперь получаем задания?

Когда песня наконец-то стихает до сердитого шепота, пишу Крису.

ли [10:06]
вполне себе
крис [10:06]
норм??
в следующий раз тогда идем с нами
ли [10:07]
отлично
крис [10:08]
кул кул отлично
значит, первая категория «коммуникация»
не просто данные о том, как люди разговаривают
но где, почему, когда...

всё вообще
вопросы?
ли [10:08]
нет
отлично

В программе данных мне назначен новый раздел – «Коммуникация». Белый курсор Криса мигает пару раз и пропадает, оставляя меня наедине с пустой черной ячейкой, которая так и ждет, чтобы ее наполнили.

Расширяю экран вверх и в стороны, чтобы он был вокруг меня. Заныриваю, открывая разнообразные базы данных, с которыми работала раньше. В каждой вбиваю: «как люди коммуницируют». Тут же загружается тысяча ссылок. Как сказать что-то не словами, а фырканьем. Как стать человеком, которому люди хотят доверить свои тайны. Как подбодрить собеседника. Как давать и принимать советы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.